

И. А. БУНИН

О Чехове. Неоконченная рукопись

<фрагменты>

<ИЗ ЧАСТИ ВТОРОЙ>

<...> Во всем, что относилось к труду, он был суров, непримирим: как беспощадно отчитал он Лику Мизинову, когда она, взявшись за перевод, не выполнила работы:

«У Вас совсем нет потребности к правильному труду... В другой раз не злите меня Вашей ленью и, пожалуйста, не вздумайте оправдываться. Где речь идет о срочной работе и о данном слове, там я не принимаю никаких оправданий. Не принимаю и не понимаю их». <...>

* * *

В. Тихонов подметил в Чехове характерную черту — «он *всегда* думал, всегда, всякую минуту, всякую секунду. Слушая веселый рассказ, сам рассказывая что-нибудь, сидя в приятельской пирушке, говоря с женщиной, играя с собакой, — Чехов всегда думал. Благодаря этому он сам обрывался на полуслове, задавал вам, кажется, совсем неподходящий вопрос и казался иногда рассеянным. Благодаря этому он среди разговоров присаживался к столу и что-то писал на своих листках почтовой бумаги».

Я тоже это уже отмечал, что он думает всегда о своем. <...>

* * *

Кстати, почему свой театр Станиславский и Немирович назвали «художественным» — как бы в отличие от всех прочих театров? Разве художественность не должна быть во всяком театре — как и всяком искусстве? Разве не претендовал и не претендует

каждый актер в каждом театре быть художником, и разве мало было в России и во всех прочих странах актеров-художников?

Впрочем, Художественный театр называется теперь Художественным театром имени Горького. Прославился этот театр прежде всего и больше всего Чеховым, — ведь даже и доньше на его занавесе чайка, но вот приказали присвоить ему имя Горького, автора лубочного и насквозь фальшивого «Дна», и Станиславский с Немировичем покорно приняли это приказание, хотя когда-то Немирович торжественно, публично, во всеуслышание всей России, сказал Чехову: «Это — твой театр, Антон». Как Кремль умеет запугивать! Вот передо мной книга, изданная в Москве в 1947 году — «Чехов в воспоминаниях современников», среди этих воспоминаний есть воспоминания М. П. Чеховой, и между прочим, такие слова ее: «Люди науки, искусства, литературы и политики окружали Антона Павловича: Алексей Максимович Горький, Л. Н. Толстой, В. Короленко, Куприн, Левитан бывали здесь...». В последние годы Чехова я не только бывал, приезжая в Ялту, каждый день в его доме, но иногда гостил в нем по неделям, с М. П. Чеховой был в отношениях почти братских, однако она, теперь глубокая старуха, не посмела даже упомянуть обо мне, трусливо пишет полностью: «Алексей Максимович и Вячеслав Михайлович Молотов», подобострастно говорит: «Вячеслав Михайлович Молотов выразил, очевидно, не только свое, но и всей советской интеллигенции мнение, написав мне в 1936 году: “Домик А. П. Чехова напоминает о славном писателе нашей страны, и надо, чтобы многие побывали в нем. Почитатель Чехова В. Молотов”». Какие мудрые и благосклонные слова!

«Художественный театр имени Горького». Да что! Это капля в море. Вся Россия, переименованная в СССР, покорно согласилась на самые наглые и идиотские оскорбления русской исторической жизни: город Великого Петра дали Ленину, древний Нижний Новгород превратили в город Горький, древняя столица Тверского удельного княжества, Тверь — в Калинин, в город какого-то ничтожнейшего типографского наборщика Калинина, а город Кенигсберг, город Канта, в Калининград, и даже вся русская эмиграция отнеслась к этому с полнейшим равнодушием, не придавала этому ровно никакого значения, — как, например, тому, что какой-то кудрявый пьяница, очаровавший ее писарской сердцещипательной лирикой под гармонь, под тальянку, о котором очень верно сказал Блок: «У Есенина талант пошлости и кощунства», в свое время обещал переименовать Россию Китежа в какую-то «Инонию», орал, раздирая гармонь:

Ненавижу дыхание Китежа!
 Обещаю вам Инонию!
 Богу выщиплю бороду!
 Молюсь ему матерщиною! <...>

* * *

В 99 году весной иду как-то в Ялте по набережной и вижу: навстречу идет с кем-то Чехов, закрывается газетой, не то от солнца, не то от этого кого-то, идущего рядом с ним, что-то басом гудящего и все время высоко взмахивающего руками из своей крылатки. Здравуюсь с Чеховым, он говорит: «Познакомьтесь, Горький». Знакомлюсь, гляжу и убеждаюсь, что в Полтаве описывали его правильно: и крылатка, и вот этакая шляпа, и дубинка. Под крылаткой желтая шелковая рубаша, подпоясанная длинным и толстым шелковым жгутом кремового цвета, вышитая разноцветными шелками по подолу и вороту. Только не детина и не ражий, а просто высокий и несколько сутулый рыжий парень с зеленоватыми глазками, с утиным носом, в веснушках, с широкими ноздрями и желтыми усиками, которые он, покашливая, все поглаживает большими пальцами: немножко поплюет на них и погладит. Пошли дальше, он закурил, крепко затянулся и тотчас же опять загудел и стал взмахивать руками. Быстро выкурив папиросу, пустил в ее мундштук слюны, чтобы загасить окурок, бросил его и продолжал говорить, изредка быстро взглядывая на Чехова, стараясь уловить его впечатление. Говорил он громко, якобы от всей души, с жаром и все образами, и все с героическими восклицаниями, нарочито грубоватыми, первобытными. Это был бесконечно длинный и бесконечно скучный рассказ о каких-то волжских богачах из купцов и мужиков — скучный прежде всего по своему однообразию гиперболичности, — все эти богачи были совершенно былинные исполины, — а кроме того, и по неумеренности образности и пафоса. Чехов почти не слушал. Но Горький все говорил и говорил...

Чуть не в тот же день между нами возникло что-то вроде дружеского сближения, с его стороны несколько сентиментального, с каким-то застенчивым восхищением мною:

— Вы же последний писатель от дворянства, той культуры, которая дала миру Пушкина и Толстого!

В тот же день, как только Чехов взял извозчика и поехал к себе в Аутку, Горький позвал меня зайти к нему на Виноградскую улицу, где он снимал у кого-то комнату, показал мне, морща нос, неловко улыбаясь счастливой, комически-глупой улыб-

кой, карточку своей жены с толстым, живоглазым ребенком на руках, потом кусок шелка голубенького цвета и сказал с этими гримасами:

— Это, понимаете, я на кофточку ей купил... этой самой женщине... Подарок везу...

Теперь это был совсем другой человек, чем на набережной, при Чехове: милый, шутливо-ломающийся, скромный, до самоуничтожения, говорящий уже не басом, не с героической грубостью, каким-то все время как бы извиняющимся, наигранно-задушевым волжским говорком с оканьем. Он играл и в том и в другом случае — с одинаковым удовольствием, одинаково неустанно, — впоследствии я узнал, что он мог вести монологи хоть с утра до ночи и все одинаково ловко, вполне входя то в ту, то в другую роль, в чувствительных местах, когда старался быть особенно убедительным, с легкостью вызывая даже слезы на свои зеленые глаза. <...>

* * *

...Михайловский отозвался о нем холодно и небрежно; а Скабичевский почему-то пророчил, что Чехов непременно сопьется и умрет под забором.

* * *

В воспоминаниях Лазарева-Грузинского сказано, что выражения смелости, которое вообще было свойственно Чехову, кроме дней тяжелой болезни, нет ни на одном портрете, более или менее известном публике. Ведь даже письма Чехова дают представление о нем как о смелом человеке.

Чехова до сих пор по-настоящему не знают (И. Б.). <...>

* * *

«...притягивающая к себе *жизненность* его произведений состоит в том, что в них ничто не “излагается”, не “объясняется”, а *показывается*. “Психическое” никогда не обособляется от “физического”» (Бицилли).

(Подчеркнуто мною. — Ив. Б.).

«Русская критика, — справедливо писал Бицилли, — объявила Чехова “писателем без мировоззрения”, и ее представители задавались вопросом: как же это возможно, что, будучи “без мировоззрения”, он все-таки был весьма значительным писателем?»

В сущности, вопрос этот беспредметен, бессмыслен, и возник он единственно в силу упрощения, опошления самого термина *миросозерцание* и выражаемого им понятия. Под мирозерцанием принято разуметь не то, что это слово буквально значит, а известную идеологию и связанную с ней “программу”. *Этого у Чехова, действительно, не было... ему претило то, что в такой степени свойственно людям, этого рода мирозерцанием обладающим: узкая, злобная нетерпимость по отношению к инаковерующим и тупое самодовольство. Мирозерцание, так понимаемое, было вразрез с подлинным мирозерцанием, т. е. видением мира и жизни, какими был одарен Чехов».*

Верно! <...>

V

Читал книгу профессора Бицилли «Творчество Чехова, опыт критического анализа» (138 страниц), София. 1942 г.

Длиннее этой книги нет на свете!

* * *

<...> «...И вот у Чехова есть, так сказать, второе воплощение Акакия Акакиевича: это мелкий чиновник (в рассказе «Крыжовник»), всю жизнь мечтавший о собственной даче, где он будет жить на пенсии и разводить крыжовник, и в конце концов добившегося осуществления своей мечты. Он “влюблен” в свой крыжовник, как Акакий Акакиевич в свою шинель. Оба они пребывают в плане “дурной бесконечности”».

Фальшиво, глупо!

* * *

<...> «Замечу кстати, что в своей оценке прозы Лермонтова, и в частности “Тамани”, Чехов вполне сходится с Григоровичем».

Григорович был редкий ценитель литературы, а его теперь всякая стерва лягает. (И. Б.).

* * *

«Немало случаев употребления *казаться* у Тургенева, в творчестве которого “проза” совмещается с “поэзией” и “аналитиче-

ская” тенденция подчас вытесняется “синтетической”. Но нет писателя, в лексике которого *казаться* занимало бы такое место, как у Чехова. У него это речение попадает едва ли не на каждой странице, во всех его вещах, начиная с самых ранних, и, что всего показательнее, особенно часто в поздних, и наиболее совершенных, произведениях. Так в “Даме с собачкой” — 18 раз; в “Архиерее” — 20, причем здесь кроме *казалось*, ему *казалось*, есть еще и сходные (несинонимные) речения: *представлялось*, *похоже было*, *что* и т. п.».

А в конце концов, какая это мука — читать это дьявольское занятие Бицилли! Непостижимо, что он не спятил с ума после него! (И. Б.).

* * *

«Объекты восприятий размещены в соответствии с тем, какими органами чувств они воспринимались: носом, ушами, глазами. Это, во-первых. Во-вторых, сперва подан “фон”, затем “жанр”...».

О, Боже мой! (И. Б.). <...>

* * *

«В “Степи” между ними и повествованием нет никакой грани. Один из критиков, *Оболенский*, отвечал “многим спрашивающим с недоумением, что Чехов хотел сказать своим этюдом”, “какая в нем идея”, <идея> там есть: это контраст между величию природы и человеческой мелкотой, порочностью, низостью, убожеством. Он сожалел только, что степь изображена все же недостаточно величественно и к тому же слишком бледно, бесколоритно».

...Я знал этого Оболенского — очень глупый человек! (И. Б.). <...>

«В одном пассаже *казаться* употреблено три раза (...).»

Сидит считает, считает. (...И. Б.). <...>

* * *

«Еще ближе к Чехову Куприн в рассказе “Ночная смена”. Здесь не только всюду слышится чеховская речь (напр., фразы, начинающиеся с “*И кажется*”...).»

Половина этого рассказа почти продиктована Куприну мною! (И. Б.).

* * *

«...От его писем (Чехова. — И. Б.) веет такой же душевной теплотой, как и от его художественных произведений».

Очень глупо! (И. Б.). <...>

Читая сборник «Чехов в воспоминаниях современников». Государственное издательство художественной литературы. 1952 г., Москва.

Предисловие А. Котова.

«Особое место в мемуарной литературе о Чехове занимают воспоминания о нем Горького, который с наибольшей полнотой донес до нас духовный облик и передал подлинные черты живого Чехова. Выступление Горького со статьей о рассказе Чехова “В овраге”, а позднее — с мемуарным очерком *положило начало новому пониманию творчества Чехова*».

Нечто чудовищное по идиотской брехне, по бесстыдству! (И. Б.).

* * *

«...Естественным было тяготение Чехова к более родственной для него среде, такой была группа художников-реалистов во главе с Левитаном, Васнецовым и Коровиным».

С Васнецовым и Коровиным Чехов даже знаком не был! (И. Б.).

* * *

<...> «Нередко Чехов говорил о революции, которая неизбежно и скоро будет в России, — свидетельствует Телешов».

А вот мне не говорил! (И. Б.).

* * *

«Горький, раскрывший величайшее значение социалистической революции, когда творчество Чехова *стало доступно самым широким массам*».

А до Октября не было доступно? (подчеркнуто мною. — И. Б.). <...>

Т. Л. Щепкина-Куперник. «О Чехове».

«...Лица была девушка *необыкновенной* красоты. Настоящая “Царевна Лебедь” из русских сказок». (Подчеркнуто мною. — Ив. Б.). <...>

* * *

«По-моему, самое существенное в Чехове — это *раскрепощение рассказа от власти сюжета*» (Подчеркнуто мною. — И. Б.). Точно до него не было Толстого! (И. Б.).

* * *

<...> «— Меня будут читать лет семь, семь с половиной, — говорил он, — а потом забудут». Это украдено у меня. (И. Б.).

* * *

«Но потом пройдет еще некоторое время — и меня опять начнут читать и тогда уже будут читать долго». А это выдумала Щепкина (И. Б.).

* * *

«Промчавшаяся *буря первых годов революции на время заслонила от нас его задумчивый образ*». Буря! Подчеркнуто мною. — И. Б.

* * *

«Я иногда задумывалась над тем, что делал бы Чехов, как он поступал бы, если бы ему суждено было дожить до *великой революции*. И у меня всегда готов ответ: Чехов был *настоящий русский писатель, настоящий русский человек*. Он ни в каком бы случае не покинул родины и *с головой ушел бы в строительство той новой жизни*, о которой мечтал и он и его герои». Несчастливая старуха! (Подчеркнуто мною. — И. Б.).

К. С. Станиславский. «А. П. Чехов в Московском Художественном театре».

«...Мне трудно покаяться в том, что Антон Павлович был мне в то время мало симпатичен.

Он мне казался гордым, надменным и не без хитрости. ...Привычка ли глядеть поверх говорящего с ним, или *суетливая ма-*

нера ежеминутно поправлять пенсне делали его в моих глазах надменным и неискренним». (! — И. Б.) Подчеркнуто мною. — И. Б.

* * *

<...> «Для меня центром явился Горький, который сразу захватил меня своим обаянием. В его необыкновенной фигуре, лице, выговоре на о, необыкновенной жестикуляции, показывании кулака в минуты экстаза, в светлой, детской улыбке, в каком-то временами *трагически проникновенном* лице, в смешной или сильной, красочной, образной речи сквозили какая-то душевная мягкость и грация, и, несмотря на его сутулую фигуру, в ней была своеобразная пластика и внешняя красота. Я часто ловил себя на том, что *любуюсь* его жестом или позой». (Подчеркнуто мною. — И. Б.).

Да, Станиславский был очень глуп.

* * *

<...> «В художественной литературе конца прошлого и начала нынешнего века он один из первых почувствовал неизбежность революции, когда она была лишь в зародыше и общество продолжало купаться в излишествах».

И он!!

* * *

«Человек, который *задолго предчувствовал* многое из того, что теперь *совершалось*, сумел бы теперь принять все предсказанное им».

И Станиславский не посмел не написать этих последних двух страниц! <...>

М. Горький. «А. П. Чехов».

Все фальшиво! Не хватило у меня сил дочитать. (И. Б.).

А. И. Куприн. «Памяти Чехова».

«Странно — до чего не понимали Чехова! Он — этот “неисправимый пессимист”, как его определяли, — никогда *не уставал надеяться на светлое будущее*».

Ох, уж эта «вера Чехова» в «светлое будущее»! Подчеркнуто мною. — И. Б.

* * *

«— Послушайте, а знаете, что ведь в России через десять лет будет *конституция*».

Да, даже и здесь звучал у него тот же мотив *о радостном будущем, ждущем человечество*».

Подумаешь, какая это радость для «человечества»!.. Подчеркнуто мною. — И. Б.

* * *

«По-видимому, самое лучшее время для работы приходилось у него от утра до обеда, хотя пишущим его, кажется, никому не удавалось заставить».

Вздор! (И. Б.).

«Ни с кем не делился своими впечатлениями, не говорил о том, что и как собирался он писать».

Вздор. (И. Б.).

Н. Д. Телешов. «А. П. Чехов» (тут же и выдержки из книги Телешова «Записки писателя», 1949 года. ОГИЗ. Москва).

* * *

«Недаром же в пьесе его “Три сестры” говорится: “Пришло время, надвигается на всех нас громада, готовится здоровая сильная буря, которая идет, уже близка и скоро сдует с нашего общества лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилую скуку”. А в дальнейшем он предвидел необычайный расцвет народной жизни и счастливое, радостное будущее».

Слава Богу, не дожил!

* * *

<...> «Творчество Чехова *многогранно*, лирика его поэтична, юмор его неисчерпаем, а вера в лучшее будущее человечества непоколебима».

Будто бы? Подчеркнуто мною. — И. Б.

* * *

«Недаром Лев Николаевич Толстой говорил о нем:
— Чехов — это Пушкин в прозе».

Когда, кому он это говорил? и сравнение-то глупое.

В. В. Вересаев. «А. П. Чехов».

«...чувствовалось и по его произведениям, что он человек глубоко аполитический, общественными вопросами совершенно не интересуется, при разговорах на общественные темы начинает зевать. Что стоила одна его дружба с таким человеком, как А. С. Суворин, издатель газеты “Новое время”. Теперь это был совсем другой человек; видимо, революционное электричество, которым в то время был перезаряжен воздух, встряхнуло и душу Чехова. Глаза его разгорались суровым негодованием, когда он говорил о *неистовствах* Плеве, о *жестокости и глупости* Николая II».

Брехня. Подчеркнуто мною. — И. Б.

<...>

С. Я. Елпатьевский. «Антон Павлович Чехов».

«Антон Павлович Чехов приехал в Москву, из которой уехал помимо воли из-за болезни и куда так неудержимо стремился все те семь-восемь лет, которые он прожил на моих глазах в Ялте, в ту Москву, которая занимала все его мысли, в которой сосредоточилось все то, что было в России самого хорошего, приятного, милого для Чехова».

Преувеличено? И. Б. <...>

* * *

«...когда я уходил от него, у меня всегда была одна и та же мысль: почему этот, так ищущий людей, человек одинок и поче-

му он, жадный к жизни, с тонким проникновением красоты, — *хмурый человек*».

Вздор. Подчеркнуто мною. — И. Б.

Евт. П. Карпов. «Две последние встречи с А. П. Чеховым». Чехов его ненавидел (Ив. Б.).

«Антон Павлович произвел на меня приятное впечатление. Славным малым, *студентом веяло* от его статной *худощавой фигуры...*».

!! (И. Б.) Подчеркнуто мною. — И. Б.

«...И чем ближе я узнавал его, тем симпатичнее, родней по духу становился он мне». <...>

* * *

«С *нервной горячностью* “упорствуя, волнуясь и спеша”, он говорил о движении в земстве, о новых сектантских течениях на юге России, о народившемся типе интеллигента из народа. Говорил, что *литература обязана идти навстречу народному движению...* Должна *поймать и запечатлеть новые общественные веяния...*

Никогда не видал я таким Антона Павловича, никогда не слышал от него таких горячих речей».

Никогда этого и не было! — И. Б.

* * *

«Весной, в конце апреля 1904 года

...на улицах Ялты появились широковещательные афиши. Приезжая из Севастополя труппа давала в ялтинском театре спектакль. Шел “Вишневый сад”...

Антон Павлович радушно принял меня в уютном кабинете, со стен которого грустно смотрели чудные, полные глубокого настроения картины Левитана».

Брехня. Не было ни одной картины. Был только пейзаж на стене над камином. (И. Б.). Подчеркнуто мною. — И. Б. <...>

* * *

«Я перевел разговор на другую тему, спросив, кто у него бывает из литераторов?

— Андреев здесь, в Крыму... Елпатьевский... Скиталец...

— Какой надменный вид у Скитальца... Совсем испанский дворянин какой-то шагает по набережной, — сказал я.

— Это его манера держаться... А он чудесный простой малый... Совсем простой добряк и *скромный*... И талантливый... Его “Октава” хорошая вещь... А надменным его делают плащ, желтые штиблеты, шляпа и пенснэ...»

Все ложь! (И. Б.).

Недаром Чехов считал этого Карпова болваном и...

Н. Гарин. «Памяти Чехова».

«А. П. провожал меня, очень серьезно уверял меня, что непременно приедет в Маньчжурию.

— Поеду за границу, а потом к вам. Непременно приеду. Горький, Елпатьевский, Чириков, Скиталец только говорят, что приедут, а я приеду».

Никогда они этого не говорили. И Чехов этого не говорил про них. (И. Б.). <...>

